Н.В. ДРАННИКОВА

ПРОЗВИЩНЫЙ ФОЛЬКЛОР

В последние годы прозвищный фольклор оказался в центре внимание многих ученых [Белобородова 1998; Блажес 1983; Герд 1995; Журавлев 1984; Журавлев 1995; Иванова 1998; Иванова 1999; Карташева 1984; Климчук 1983; Макарова, Иванова 1999; Ухмылина 1970 и др.]. Однако и по сей день многие вопросы, связанные с этой сферой народной культуры, остаются неразрешенными. Нет ясности в определении наиболее важных терминов, в частности термина *присловье*, который имеет несколько значений: во-первых, это присказка, поговорка; во-вторых, прозвище, относящееся к группе лиц, представляющих собой географическую или этническую общность.

Впервые в этом значении термин был употреблен в 1832 г. И.М. Снегиревым, затем — И.П. Сахаровым и В.И. Далем [Даль 1993; Сахаров 1990; Снегирев 1996]. Они широко понимали жанровую природу присловья и относили к нему не только прозвища, но и дразнилки, пословицы, поговорки, загадки, анекдоты, афоризмы и др. Начало научному исследованию присловий было положено Д.К. Зелениным (см. его статьи «Великорусские народные присловья как материал для этнографии» [Зеленин 1994, 38—58], «Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк)» [Зеленин 1994, 59—104]).

Работам Зеленина свойственно неразличение этнологических и лингвистических сведений, что обусловлено спецификой изучаемого предмета: присловье — формула, которая реализуется в речевом контексте. Вне научного интереса Д.К. Зеленина осталась связь прозвищ с фольклором и реализация их в различных фольклорных жанрах. Именно эту задачу мы попытаемся решить в настоящей статье, используя, в частности, материалы опросов, накопившиеся в архиве Лаборатории фольклора Поморского государственного университета (далее ФА) и в личной коллекции автора (далее ЛАД). В процессе работы было опрошено более семисот человек, проживающих на территории Архангельской и Вологодской областей, а также в Карелии[1].

Присловья-прозвища — явление многожанровое и кроссжанровое. Прозвище реализуется в различных жанровых формах: анекдотах, преданиях, дразнилках, частушках, прозвищных песнях, пословицах, поговорках, загадках, стереотипных суждениях и пр.

Прозвищный фольклор — одна из многочисленных групповых форм фольклора [Путилов 1994, 44]. Наряду с термином *присловье* для обозначения коллективного прозвища в науке используется термин *микроэтноним*. Д.К. Зеленин видел значение коллективных прозвищ в том, что они дают возможность изнутри выделять группы этноса. Каждая группа имеет общее речевое поведение.

Прозвища делятся на *эндонимы* (самоназвания) и *экзонимы* (прозвища, данные другими), причем экзонимы преобладают над эндонимами. Во всех жанрах прозвищного фольклора обыгрывается противопоставление *свой / чужой мир*. Можно предположить, что генетически прозвища связаны с табуированием и иносказательной речью. *Чужой* соотносился со сферой иного мира и вызывал опасения. Назвать / переименовать — значит обезопасить себя. Не случайно многие прозвища носят иронический характер: смех снимает противопоставление и является средством адаптации. Вот почему прозвища представляют собой исключительно ценный материал для изучения архаического менталитета.

Прозвища могут быть выражены одним словом, предложением и относительно развернутым текстом. Поэтому целесообразно предложить следующую классификацию, основанную на структуре прозвищ:

1) однословные прозвища и прозвищные словосочетания;

2) предложения и фразеологизмы (пословицы, поговорки, загадки, афоризмы, стереотипные суждения);

3) предания, анекдоты и другие нарративы;

4) стиховые формулы и песни корильного характера.

[1] Автор выражает благодарность за помощь в собирании материала доктору филологических наук И.А. Разумовой (г. Петрозаводск), доктору филологических наук И.И. Муллонен (г. Петрозаводск), В.А. Агапитову (г. Марциальные Воды).

Прозвища полифункциональны. В процессе общения происходит их постоянное переутверждение. Одна из основных функций присловий-прозвищ — дифференцирующая (то есть функция микролокального размежевания групп) [Байбурин 1993, 30—31]. При помощи присловий-прозвищ выделяются различные типы местных сообществ: от большой общности (например, поморы — *«кишкоброды»*, *«трескоеды»*, *«наважьи головы»*) до одного околотка в крестьянской культуре (едомена — *«горланы»*, немнюжана — *«ересливы»*, то есть задиристые (Едома и Немнюга — околотки д. Кевролы Пинежского р-на Архангельской обл.) [Дранникова 1999 б, 55—56]) или дома в современной городской традиции (*«жмурики»* — *«дом находится около кладбища»* (г. Архангельск) [ЛАД]). Прозвища отражают различные формы этнического самосознания и осознания других (соседей).

Прозвищам присуща и моделирующая функция. Они связаны с контекстом или определенной коммуникативной ситуацией, создают ее. Так, прозвища могут выступать в роли приветствия: *«Карьепольски шти, на ночлег пусти»* (прозвище *«шти»*, то есть суп из муки (д. Карьеполье Мезенского р-на Архангельской обл.) [ЛАД]); *«Эх ты, копоруля!»* (прозвище *«копоруля»*, то есть тихоня (д. Усолье Плесецкого р-на Архангельской обл.) [ЛАД]). Традиция приветствия прозвищами близка обычаю приветствия сниженными катойконимами (названиями жителей по месту проживания), что нашло отражение в анекдоте:

Идут навстречу две старушки. Одна говорит другой:

— Здравствуй, Гусиха!

— Здравствуй, Копачиха!

Другая:

— Ты что бранишься?

Другая:

— А ты что?

(Записано от А.А. Стахеевой, 1925 г.р., п. Березник Виноградовского р-на Архангельской обл. [ФА: Ф. 30. Л. 3])[2].

В ходе разговора с информантом выяснили, что так зовут обитателей деревень, в которых проживают участницы шутливого диалога (*«Гусиха»* — от д. Гусево; *«Копачиха»* — от д. Копачево). В настоящее время этих поселений уже нет.

Аналогичный анекдот, отражающий традицию приветствия родовыми прозвищами-антропонимами, был записан нами в д. Кушкопале Пинежского р-на.

Встретились два мужика из нашей деревни (семью одного «лаптями» звали, а род другого — «куроптями»). Вот второй и говорит первому:

— Куда, куропти, полетели?

А первый и отвечает:

— Да в сельпо лапти привезли, дак за лаптями иду.

(Записано от Г.М. Кокориной, 1944 г.р., д. Кушкопала Пинежского р-на Архангельской обл. [ЛАД]).

В форме приветствия может выступать и дразнилка-прозвище:

Слобожане-дергачи,
Съели кошку на печи.

(Записано от К. Ловковой, 1981 г.р., д. Малая Слобода Мезенского р-на Архангельской обл. [ЛАД]), —

где используется прозвище *«дергачи»* (*дергач* — птица). Дразнилки-прозвища и другие жанры, в которых реализуется прозвище, часто бытуют в одном или смежных ареалах. Ср.:

Церкогóра-черепкú,
Драли кошку на печи.

(Записано от М. Никулиной, 1981 г.р., д. Церкова гора Пинежского р-на Архангельской обл. [ЛАД]), —

где используется прозвище *«черепки»*, так как жители д. Церковой горы занимались гончарным промыслом.

Дразнилка-прозвище может происходить от топонима и имеет в этом случае оттопонимический характер: *«Каргопáлочка — каргá на полочке»* (г. Каргополь Архангельской обл. [ЛАД]), где *«карга»* — ворона.

Дразнилки-прозвища распространены не только в детской, но и во взрослой среде. Г.С. Виноградов назвал их «формулами осмеяния» [Виноградов 1925]. Чаще всего дразнилки строятся на основе логики абсурда. Так, о жителях деревень Палуга, Кеслома, Копылиха Лешуконского р-на Архангельской обл. их соседи говорят:

[2] Здесь и далее в ссылках на архив: Ф — фонд, П — папка, Т — тетрадь, Л — лист.

Па́луга — зелена,
Ке́слома — ворона,
Копыли́ха — на боку,
Трубка полна табаку.
(Записано от В.Я. Авдушева, 1929 г.р., д. Азаполье Мезенского р-на Архангельской обл. [ФА: Ф. 30. Л. 25]).

К дразнилкам-прозвищам близки частушки-прозвища и распространенные на Русском Севере прозвищные песни. В них свернутый и в какой-то мере зашифрованный текст прозвища предстает в развернутом, дешифрованном виде. По сути своей прозвище — намек на какое-то событие, особенности быта, нравов местного сообщества и др. Обратимся к конкретным примерам.

Жители д. Кузюг Вологодской обл. — *«ножо́вики»* (*«носят с собою всегда ножи, хулиганят»*). Это прозвище разворачивается в частушечный спев:

Я на пляску собирался —
Мне наказывал отец:
«На тебя ребята сердятся —
Возьми-ко складенец».

Я на пляску собирался —
Тятька финский нож дает.
Сестра ре́ва́львер заряжает,
Мамка гирю подает.
(Самозапись П. Третьяковой, 1982 г.р., д. Кузюг Кижгородский р-н Вологодской обл. [ФА: Ф. 30. Л. 5]).

Прозвищная аллюзия раскрывается в фольклорных текстах различной жанровой природы: от частушки и дразнилки — до анекдота и предания.

Частушки-прозвища, как и дразнилки, часто строятся на основе логики абсурда:

А пустынчана-бахвалы,
У вас кони нестоялы,
Сани выброшены,
В Шунгской губе выкрашены
(д. Пустынь Медвежьегорского р-на Карелии [ЛАД]).

Прозвища-частушки исполняются под пляску, поются в убыстренном темпе, имеют хорошо организованную ритмическую структуру. Их образная система — бытовая и сниженная, что соответствует семантике самого прозвища.

Мы уже отмечали повторяемость в смежных ареалах прозвищ и текстов, в которых они реализуются. Это свидетельствует о сходстве мыслительных моделей, которые порождают подобные тексты. Почти дословное совпадение наблюдается, например, в тексте из частушечного спева о деревнях Заонежья и приведенной выше дразнилке о деревнях Средней Мезени:

Во Черкасах — колокольня на боку,
Петрий Павлович не курит табаку.
Он не курит и не нюхает —
Только Надю свою слухает.
(Медвежьегорский р-н Карелии [ЛАД]).

В 1920-е гг. во время экспедиций по Мезени Н.П. Колпакова обратила внимание на прозвищные песни о деревнях, которые она охарактеризовала как жанр-эндемик, весьма характерный для данного ареала [Колпакова 1962]. Частушечные спевы о деревнях и прозвищные песни чаще всего исполнялись во время праздничных молодежных гуляний и съезжих праздников.

В прозвищной песне всегда выделяется центр — населенный пункт, где она складывалась. Причем жителям этой деревни всегда придается более высокий статус, чем остальным. В характеристику-эндоним вкладывается уважение: *«Исаково — прекрасное село»* (с. Исаково Каргопольского р-на Архангельской обл.), *«Резчена пригожие»* (д. Резя Лешуконского р-на Архангельской обл.), *«Едомцы богатые»* (д. Едома Лешуконского р-на Архангельской обл.), тогда как жители других деревень оцениваются иронично, несмотря на внешнее «почтение» к ним [Дранникова 1999а]:

Каращёла — тараканы, тараканы
(д. Карощелье).
Были едомцы богаты, вот они богаты
(д. Едома).
Усть-важане вороваты, вороваты
(д. Усть-Вашка).
Некорыстна молодежь — монастырцы
(д. Монастырщина).
Оборваны кушаки — то смоляны
(д. Смоленец).
Бородаты мужики — пылемчана
(д. Пылема).
Толстобрюхи мужики — то вожгоры
(д. Вожгора).
[Колпакова 1975, 132].

Песни охватывают куст деревень или деревни, расположенные по одной из рек-магистралей (Северная Двина, Мезень, Пинега). Ареал распространения песни совпадает с ареалом проживания местного сообщества, которое характеризуется в песне. Например, жители верховьев Пинеги знают только песню о Сурском кусте деревень, а жители Средней Пинеги — о Кевролъском («*Молодежь скоро подкатит*»). На Мезени бытовали две прозвищные песни: одна охватывала поселения Верхней Мезени (в современном административном делении — Лешуконский р-н), вторая — Средней и Нижней Мезени (Мезенский р-н).

Прозвищные песни, исполняемые во время молодежных гуляний, в реконструкции имели продуцирующее значение. По Средней Пинеге была распространена песня *«Лебедин мой, лебедин»*, где девушки близлежащих деревень характеризовались при помощи грубо эротических образов. Можно предположить, что прозвищные песни в недалеком прошлом носили инициационный характер. Их исполнение свидетельствовало о принадлежности молодежи к старшей половозрастной группе. Эти песни функционально и композиционно близки всевозможным «*опеваниям*», распространенным в этом ареале: например, рекрутов деревни (*«Петуха зарезали»*), девушек-невест (*«Ты катись, мое лукошко»*), женатых мужчин (*«Дудал, мой дудал»*) и др. Существовали мужские и женские прозвищные песни, что подтверждает их инициационно-продуцирующую функцию. Приведем начало мужской песни, исполнявшейся в Холмогорском р-не:

В корыте потонули рипаловочки,
На горке постоять да ограять-осмеять —
Усть-мехрёженки.

(Записано от П.П. Трофимова, 1882 г.р., д. Плесово-Мякурье Холмогорского р-на Архангельской обл. [ФА: Ф. 18. Т. 212]).

Одновременно с нею девушками исполнялась другая песня для парней:

Ярошана-ти идут —
Двери ломят, скобы рвут.
Микуряне-ти идут—
Рубашки скрашивают,
До деревни не дойдут —
Про девок спрашивают.

(Записано от П.П. Трофимова, 1882 г.р., д. Плесово-Мякурье Холмогорского р-на Архангельской обл. [ФА: Ф. 18. Т. 212]).

Прозвищная песня, как и само прозвище, имела апотропейное (обережное) значение. На Верхней Пинеге нами зафиксировано исполнение этих песен на масленицу во время катания с гор:

Сёмичи да Дёмичи,
Толстобо́ки Павличи,
Толстоморды Ха́ричи
Да Николаевы Гычи.

(Записано от М.И. Порохиной, 1918 г.р., с. Сура Пинежского р-на Архангельской обл. [ФА: Ф. 14. П. 257]).

Выделяется два типа прозвищных песен: первый, с ярко выраженным принципом нанизывания, структурно близок кумулятивным текстам, второй имеет более позднее происхождение и близок кадрильным песням. В песнях первого типа ярче прослеживается «прозвищное» начало (само прозвище может быть выражено одним словом и целым предложением):

— *Кто порецца-поцапаться?*
— *Коргулянишка* (д. Коргу́л).
— *Судна-барочки построить?*
— *Индомя́нишки* (д. Индома́н).
— *Белы долги балохоны?*
— *Боровля́нишка* (д. Ка́менный Бор).
— *Кто проехать-прохвастнуть,*
— *Поганялочкой махнуть?*
— *Лупсоря́тишки* (волость Лупса́рь).
— *Кто худые сани вяжет?*
— *Кинжозёришка* (д. Кинжозеро).
— *Дристуна-пива варить?*
— *Вашпоня́тишка* (д. Ва́шпон).
— *Кто с котомкой пофорсить,*
— *Христа ради попросить?*
— *Пушторя́тишка* (д. Пу́штора).

(Вашкинский р-н Вологодской обл. [ТА ИЯЛИ])[3].

Принцип нанизывания осуществляется с помощью анафоры, эпифоры, синонимии-тавтологии. О реликтовом характере прин-

[3] Текст передан И.И. Муллонен. Запись сделана ею во время экспедиции в Вашкинский р-н Вологодской обл. в 1999 г. Текст хранится в Топонимическом архиве Института языка, литературы, истории РАН (г. Петрозаводск) (здесь и далее ТА ИЯЛИ).

ципа кумуляции писал В.Я. Пропп: «Мы в этих повествованиях имеем некоторое расположение явлений в ряд... Нанизывание есть не только художественный прием, но и форма мышления вообще, сказывающаяся не только в фольклоре, но и на явлениях языка» [Пропп 1976, 248].

В прозвищных кадрильных песнях дается описание местоположения деревни:

Пухаринова — на горке, на горе,
А Погост-то — при базаре, при торге,
Уж как По́женска — в зеленом во лугу,
А Подго́рная — на Важском берегу.

(Самозапись И. Резвой, 1982 г.р., г. Шенкурск Архангельской обл. [ФА: Ф. 30. Л. 11]).

Приводится характеристика жителей по профессиональным занятиям:

На Федьково-то цепочки куют,
А в Прилуках-то зобёнки плетут.

(Самозапись И. Резвой, 1982 г.р., г. Шенкурск Архангельской обл. [ФА: Ф. 30. Л. 11]).

В этих текстах уже просматривается рифма, что является доказательством их более позднего происхождения. Но оба типа песен бытовали в молодежной среде. На исполнение их в посиделочной и игрищной обрядности указывает сам текст:

Молодежь скоро подкатит...

(Записано от Л.А. Смоленской, 1947 г.р., д. Кеврола Пинежского р-на Архангельской обл. [Дранникова 1999б, 55]).

В Боровинке есть молодчик-то хорош,
Он не ходит без резиновых галош,
Только он гулять по улице пойдет
Как за ним веселых девок хоровод.

(Самозапись И. Резвой, 1982 г.р., г. Шенкурск Архангельской обл. [Дранникова 2000, 71—72]).

Нередко в прозвищах используются традиционные мотивы комической прозы. Анекдот прикрепляется к прозвищу. Среди прозвищных анекдотов преобладают сюжетные типы о глупцах и простаках, о дураках, реже встречаются тексты о хитрых и ловких людях. Как отмечалось, первые тексты являются экзонимами и соотносятся со сферой *чужого*, вторые — эндонимами и соотносятся со сферой *своего*. Самым распространенным на Русском Севере оказался анекдот о том, как варят кашу (толокно) в проруби (СУС 1260). С анекдотом соотносится прозвище «*толоконники*». Так называют жителей городов Каргополя, Вологды и Вятки, Калязина (Тверская обл.) и Углича (Ярославская обл.). Нам известно три варианта анекдота: в первом случае глупцы в дороге «варят обед» и, не дождавшись его, прыгают в озеро; во втором — после того как ложки оказались пустыми, делают вывод, что толокно съел водяной; в третьем — прыгают в прорубь следом за поваром, чтобы получше размешать толокно. Широкое распространение прозвища свидетельствует как о хозяйственной общности указанных территорий, так и об общности мыслительных моделей, которые привели к возникновению этих произведений.

Отметим еще несколько сюжетных типов, встречающихся в прозвищной комической прозе о дураках: СУС 1699 (О неправильном произношении) — тексты о пинежанах, усть-цилемах и пустозерах; СУС 1340* (Глупая женщина не умеет считать алтынами и настаивает, чтобы вместо запрошенных торговцем сорока алтын заплатить один рубль сорок копеек) — текст о пинежанах; СУС 1262 (Глупец / поп мысленно грешит с попадьей, стоя на другом берегу реки) — текст о жителях д. Евсино Каргопольского р-на Архангельской обл. и др.

Мотивировка прозвища может меняться от анекдотичной до более реалистичной, что хорошо видно на примере присловья «*бессчетны*» (д. Хаврогоры Холмогорского р-на Архангельской обл.). В XIX в. прозвище связано с сюжетным типом СУС 1287 (Не могут сосчитаться). В словаре А. Подвысоцкого приводится следующее объяснение: «*Бурею опрокинуло карбас, на котором они* (жители Хаврогор. — *Н.Д.*) *переправлялись через Двину, и когда уцелевшие стали их искать, то хотя всех их плыло сорок человек, из реки вытащили уже пятьдесят утопленников, но они утверждали, что еще не всех досчитались*» [Подвысоцкий 1885, 182]. Анекдотичный мотив с течением времени получает более реалистичные объяснения: «*...было огромное количество дере-*

вень, поэтому возникло прозвище» или *«выращивали много пшеницы, поэтому и назвали "бессчетны"»*. (Записано от Л. Масловой, 1982 г.р., г. Архангельск [ЛАД]).

К корпусу анекдотов о дураках примыкает сюжет СУС —1698*С (Мужицкое поздравление). Рассмотрим его бытование. Жители с. Долгощелье Мезенского р-на Архангельской обл. имеют прозвище «*турки*». В нескольких вариантах нами найден анекдот, объясняющий его происхождение:

В Долгощелье ехал архиерей (по другим вариантам: царский воевода, родственник царя, Ворошилов, который отбывал здесь ссылку. — *Н.Д.*). *Народ встречал его на берегу, а один мужик на лодке поплыл навстречу. Лодка перевернулась, и мужик стал тонуть. Толпа народа это увидела, и кричит одна половина: «Да здравствует!», а другая — «Спасай, тонет!». Архиерей послушал и сказал: «Ну и турки!».*

(Самозапись М. Терентьевой, 1982 г.р., с. Долгощелье Мезенского р-на Архангельской обл. [ФА: Ф. 30. Л. 7]).

Встречаются объяснения прозвищ в виде неразвернутых анекдотичных мотивов: «*Каргополы запрягали лошаденку, обжигали оглобли и выпрашивали по всей губернии на погорелое*», которому соответствует прозвище «*жганая / паленая оглобля*». Сюжет о паленой оглобле близок сюжетным типам СУС 1525—1639 (О хитрых и ловких людях).

Среди прозвищных нарративов отдельную группу составляют предания. Они в чем-то сродни топонимическим. Н.А. Криничная выделяет предания, объясняющие происхождение антропонима [Криничная 1991, 283]. Мы же выделяем предания, объясняющие происхождение присловья-прозвища. Многие предания имеют анекдотичную стилистику. Назовем несколько типичных мотивов: на сенокосе собака из одной деревни съела кашу жителей другой деревни — в результате возникло прозвище «*кашники*» (д. Шардонемь Пинежского р-на Архангельской обл.); в Петрозаводске во время свадьбы в горшок со щами, которые варились для свадебного пира, с печи упали щенки — возникло прозвище «*боскоеды*» (от «*боска*» — собака).

Существует группа преданий, где Петр I дает остроумное прозвище жителям какой-нибудь местности. Эти тексты близки топонимическим преданиям о Петре I.

Когда Петр I проезжал мимо Вирмы, из всех труб шел черный дым. Петр и назвал виремчан кочегарами.

(Западное побережье Белого моря, Карелия [ТА ИЯЛИ]).

В другой группе преданий Петр I участвует в определенном историческом событии, но прозвище возникает позднее: во время строительства Мариинской системы у него крадут кафтан (д. Нюхча, Карелия; д. Вытегра, Вологодская обл.), и за это жители этих поселений получают прозвище «*воры*». Подобные тексты примыкают к историческим преданиям.

В прозвищах выражается конкретное яркое представление о какой-то группе жителей. Основу прозвища составляет то, что отличает местное сообщество от других. Иногда такие особенности подвергаются подробному объяснению. Не случайно в прозвищной прозе преобладают этиологические мотивы, разъясняющие причину возникновения той или иной номинации. Это позволяет выделить прозвищные этиологические рассказы.

Раньше жителей деревень, входящих в Заостровский колхоз, называли «кукурузниками». Мой отец говорил, что когда Генеральным секретарем ЦК КПСС был Н.С. Хрущев, то по многим колхозам прошли слухи о посадке кукурузы и, действительно, слухи эти подтвердились в скором времени. Для посева в Заостровский колхоз прислали целую баржу кукурузных початков. Причалив к левому берегу Северной Двины, баржу оставили на ночь. Прослышав о «невиданном» фрукте, местные жители решили достать его и попробовать. Достал один, другой, третий… Всем хотелось узнать, что за диво. К утру на барже ничего не осталось. Все растащили. С тех пор и величают заостровцев «кукурузниками».

(Самозапись И. Шухобова, 1980 г.р., г. Архангельск [ФА: Ф. 30. Л. 27]).

В состав прозвищного фольклора входят различные паремии: пословицы, поговорки, загадки, приметы, афоризмы и др. Пословицы и поговорки с упоминанием населенных пунктов являются *топопословицами* и *топопоговорками*. Как и весь про-

звищный фольклор, они делятся на эндонимы и экзонимы. В паремиях-эндонимах передается уважение к местному сообществу, ему придается более высокий статус: «*Моша, Моша — госпожа хороша*» (д. Моша Няндомского р-на Архангельской обл.), «*Веркольцы-ельцы — кушкопалы-молодцы*» (д. Кушкопала Пинежского р-на Архангельской обл.) и др. Для этого часто используется «престижное» сравнение с Москвой, Петербургом, Вологдой: «*Борок — Москвы уголок, Питеру — отрывок*» (д. Борок Холмогорского р-на Архангельской обл.); «*Жердь — Москва, Кильца — Вологда*» (д. Жердь Мезенского р-на Архангельской обл.); «*От Питера отрубок, от Москвы уголок — то Пинега-городок*» (г. Пинега Пинежского р-на Архангельской обл. [Ефименко 1878, 247]). В использовании образов Москвы, Петербурга и др. проявляется этноцентризм. Пословицы-прозвища, как правило, содержат в себе сентенцию.

Реже встречаются паремии-экзонимы. С их помощью передается опасение: «*Город Архангельский, а народ в нем дьявольский*»; пренебрежение: «*Пинега, Мезень — толста селезень*» (женщины были полными) [Подвысоцкий 1885, 34 и 122].

Загадки — средство социальной индикативности. При помощи загадки могут определяться границы местного сообщества (знающие ответ представляются членами какой-то одной территориальной общности):

— *Откуль народ?*
— *Пёзина.*
— *Какой товар?*
— *Желёзина*

(г. Мезень Мезенского р-на Архангельской обл. [ЛАД]).

В этой загадке передается пренебрежение к жителям реки Пёзы — притока Мезени.

Загадка нередко показывает взаимодействие партнеров коммуникации. Разновидностью загадки являются поддевки:

— *У тебя есть ножик?*
— *Нет, я же не вологодский, с ножиком не хожу.*

(Самозапись К. Стеганцовой, 1983 г.р., г. Архангельск [ФА: Ф. 30. Л. 32]).

Подведем некоторые итоги. Прозвищный фольклор является одной из групповых форм фольклора и служит средством выражения этнического идентитета. Жители одной местности дают прозвища жителям другой, стараясь подметить, чем они отличаются от своих соседей. В основе любого прозвища — несоответствие привычным представлениям и нормам. Это «план содержания» прозвищ-присловий. Не менее интересен и «план выражения». Прозвища являются подтипами многих жанров фольклора — от песен и частушек до преданий и анекдотов. Поэтому необходимым этапом в процессе описания и изучения прозвищного фольклора становится систематизация и классификация жанровых форм.

Литература

Байбурин 1993 — *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.

Белобородова 1998 — *Белобородова И.Н.* Региональная и локальная самоидентификация в севернорусской культурной традиции (к вопросу о формировании локальных групп) // Этнические стереотипы в меняющемся мире. М., 1998. С. 68—88.

Блажес 1983 — *Блажес В.В.* Коллективные прозвища и этнические эпитеты в жанрах русского фольклора Урала // П.И. Чайковский и Урал. Ижевск, 1983. С. 91—99.

Виноградов 1925 — *Виноградов Г.С.* Детская сатирическая лирика. Иркутск, 1925.

Герд 1995 — *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику. СПб., 1995. С. 36—55.

Даль 1993 — Пословицы русского народа: Сб. В. Даля: В 3 т. М., 1993 (В серии: Живое русское слово).

Дранникова 1999а — *Дранникова Н.В.* Присловья-прозвища в севернорусском фольклоре // Русская народная культура и ее этнические истоки (Пошехонские чтения—99). М., 1999. С. 59—69.

Дранникова 1999б — *Дранникова Н.В.* Фольклор Архангельского края (из материалов лаборатории фольклора). Архангельск, 1999.

Дранникова 2000 — *Дранникова Н.В.* Прозвищный фольклор: состав и проблематика исследования // Народная культура Русского Севера. Живая традиция: Материалы республиканской школы-семинара (10—13 ноября 1998 г.) / Отв. ред. Н.В. Дранникова, Ю.А. Новиков. Вып. 2. Архангельск, 2000. С. 58—73.

Ефименко 1878 — *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды ЭО ОЛЕАЭ. Кн. 5. М., 1878. Вып. 2.

Журавлев 1984 — *Журавлев А.Ф.* Этногра-

фия в прозвищах // Русская речь. 1984. № 3. С. 116—123; № 5. С. 124—129.

Журавлев 1995 — *Журавлев А.Ф.* Русская «микроэтнонимия» и этническое самосознание // Этническое и языковое самосознание: Мат. конф. (Москва, 13 — 15 дек. 1995 г.). М., 1995. С. 49—51.

Зеленин 1994 — *Зеленин Д.К.* Избранные труды: Статьи по духовной культуре 1901 — 1913 гг. М., 1994.

Иванова 1998 — *Иванова А.А.* Фольклор как индикатор этнических сообществ // Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М., 1998. С. 39—64.

Иванова 1999 — *Иванова А.А.* Географическая песня в фольклорном репертуаре Пинежского района Архангельской области (по полевым материалам 90-х годов) // Славянская традиционная культура и современный мир: Сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 3. С. 192—202.

Карташева 1984 — *Карташева И.Ю.* Прозвища-присловья в русском фольклоре // Современный фольклор старых заводов. Свердловск, 1984. С. 141—153 (Фольклор Урала).

Климчук 1983 — *Климчук Ф.Д.* Этнографические представления полешуков // Полесье и этногенез славян. М., 1983. С. 39—41.

Колпакова 1962 — *Колпакова Н.П.* Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962.

Колпакова 1975 — *Колпакова Н.П.* У золотых родников. Л., 1975.

Криничная 1991 — *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991.

Макарова, Иванова 1999 — *Макарова Т.И., Иванова А.А.* Прозвища и фольклорный репертуар, с ними связанный // Полевые вопросники и исследовательские программы для собирания фольклора / Под ред. Т.Б. Диановой. М., 1999. С. 103—107.

Подвысоцкий 1885 — Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Собр. на месте и сост. А. Подвысоцкий. СПб., 1885.

Пропп 1976 — *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976.

Путилов 1994 — *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

Сахаров 1990 — Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М., 1990.

Снегирев 1996 — *Снегирев И.М.* Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах. Нижний Новгород, 1996.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.,1979.

Ухмылина 1970 — *Ухмылина Е.В.* Название и прозвища русского населения Горьковской области // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 254—264.

ФОЛЬКЛОР. ЭТНОЛОГИЯ. ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНОСТЬ

(Некоторые публикации преподавателей ПГУ им. М.В. Ломоносова за 1991 — 2001 гг.)

1991

Дранникова Н.В. Народные лирические песни как творческая основа формирования жанра частушки // Ломоносовские чтения: Тез. докл. науч. конф. 14 — 16 нояб. 1991 г. — Архангельск: АГПИ, 1991. — С. 71—73.

1992

Дранникова Н.В. Формирование жанра частушки как закономерный этап развития народной песенной лирики // Ломоносовские чтения: Программа и тез. науч. конф. 16 — 19 нояб. 1992 г. — Архангельск, 1992. — С. 30—31.

Куратов А.А. Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера: Учеб. пособие к спецкурсу. — Архангельск: Изд-во ПГПУ, 1992. — 128 с.

Куратов А.А. Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации: [По материалам одноименной конф. Архангельск, май 1991 г.] // Этногр. обозрение. — 1992. — № 4. — С. 144—147.

1993

Дранникова Н.В. В Лешуконье — за стариной: [Фольклор. экспедиция Помор. ун-та] // Правда Севера. — 1993. — 3 апр.

Дранникова Н.В. Генезис необрядовой лирической поэзии // Россия. Север. Море. V Соловецкий форум: Архангельск в современном мире: Тез. докл. V Соловец. форума. — Архангельск, 1993. — Ч. 1. — С. 80—81.

Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). — Архангельск: Изд-во ПМПУ им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 1993. — 224 с.

1994

Белобородова И.Н. Времяисчисление русского старожильческого населения Среднего Урала в народной и церковной календарной практике (XVII — XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 1994. — 21 с.